

Человек напротив, должно быть, тоже их заметил, но лишь на мгновение замедлил шаг, не собираясь уступать дорогу. Ванчай криво усмехнулся, однако промолчал.

Паланкин остановился перед Дворцом Хуацин. Одна из старших служанок, сопровождавших носилки, приподняла лёгкий занавес, склонилась в поклоне и что-то прошептала. Затем из паланкина появилась фигура.

Пэй Мяо широко раскрыл глаза, вытянув шею ещё сильнее. Возможно, его взгляд был слишком пылким, потому что человек напротив внезапно обернулся, устремив на него прямой, пристальный взгляд.

Это была красавица, причём красота её носила агрессивный, завоевательный характер. Алый наряд пылал, как огонь, длинный шлейф платья струился по земле. В волосах сверкала золотая шпилька в форме феникса с качающимися подвесками, что придавало ей царственный и роскошный вид. Черты лица были безупречны, изысканны, но им не хватало мягкой элегантности. Она была подобна парящему огненному фениксу — прекрасному, но полному опасного очарования.

Пэй Мяо словно врос в землю. Хотя перед ним стояла женщина в багряных одеждах, выражение её лица было ледяным. Противоречие между пламенем и холодом, слившееся в одном существе, казалось странным, но гармоничным.

Красавица смотрела на него несколько секунд, затем отвела взгляд и, опираясь на руку служанки, направилась ко входу во дворец. В отличие от мягкой, плавной поступи прочих дворцовых дам, её шаги были твёрдыми и уверенными, в них чувствовалась стать, характерная для человека, знакомого с боевыми искусствами, — собранная и энергичная.

Пэй Мяо неотрывно следил за ней, пока та не скрылась из виду. Лишь тогда он спрыгнул с паланкина и последовал к Дворцу Хуацин. Ванчай поспешил за ним, на ходу тихо предупреждая:

— Господин, та, кого вы только что видели, — Драгоценная супруга Сяо. Эта госпожа пользуется безграничной благосклонностью императора, и даже наша императрица вынуждена с ней считаться. Кроме того, слухи гласят, что у Драгоценной супруги Сяо холодный и высокомерный нрав. Если позже она проявит к вам пренебрежение, умоляю, не гневайтесь.

Ванчай сказал это неспроста. Драгоценная супруга Сяо была известна своим своенравием и заносчивостью, порождёнными императорской милостью. Она не ставила ни в грош даже самого Сына Неба, что уж говорить о других. Хотя во всей Великой Юй не нашлось бы смельчака, который посмел бы проявить неуважение к Господину Наставнику, всегда существовала вероятность, что Драгоценная супруга Сяо станет исключением.

Пэй Мяо не выразил ни согласия, ни несогласия. Он всегда придерживался принципа «не тронь меня — и я не трону тебя». Если та самая Драгоценная супруга Сяо действительно его проигнорирует, он просто ответит ей тем же. Что в этом такого? Разве он не имеет права на собственный нрав, как и все прочие?

Пройдя через беседки и цветочные сады, они наконец достигли места, где должен был состояться вечерний семейный пир.

Вдалеке Пэй Мяо увидел, что Чертог Линьцин полон оживления. Служанки и евнухи сновали туда-сюда, разнося яства. Доносились сдержанный смех и беседы. Ряды дворцовых фонарей,

выстроенные в линию, вели от входа вглубь зала. В воздухе витал соблазнительный аромат жареного мяса, от которого сразу текли слюнки.

Пэй Мяо невольно ускорил шаг и, под аккомпанемент почтительных приветствий евнухов у входа, пересёк порог Чертога Линьцин.

Однако едва он показался в зале, как шумное веселье внезапно смолкло, словно кадр в киноленте застыл. Взгляды всех присутствующих разом устремились на него, сверкая тем особым, обожающим блеском, что бывает у преданных поклонников, — жгучим, словно полуденное летнее солнце.

Пэй Мяо вздрогнул. Он почувствовал себя куском мяса на разделочной доске, вокруг которого толпится стая голодных волков, жадно на него позёвывающих. Ощущение было, мягко говоря, отвратительным.

— Мяу... — Пэй Мяо настороженно поджал хвост и отступил на шаг. Но этот его жест сработал как запал, мгновенно взорвав тишину в зале. Чертог Линьцин словно вдохнули жизнь вновь, и пространство наполнилось сдержанным перешёптыванием.

— Ох, этот семейный пир и вправду стоит посетить, раз уж удалось воочию узреть Господина Наставника.

— Я впервые вижу Господина Наставника. Он и вправду, как о нём говорят, такой милый.

— Сестра, вы ошибаетесь. Как можно называть Господина Наставника просто «милым»? Он, несомненно, величествен и могуществен.

— Верно, верно! Именно величественный и могущественный. Взгляните на нашего Господина Наставника: ему всего четыре месяца от роду, а размером он уже почти вдвое больше обычного котёнка его возраста. Когда вырастет, непременно станет подобен молодому тигру — крепким и здоровым. Не то что некоторые, кто с малых лет хилы и болезненны, — на них и смотреть тошно.

...

Уголок рта Пэй Мяо дёрнулся. С каменным, невыразимым кошачьим лицом он отступил ещё на шаг.

Женщины императорского гарема и впрямь были страшны. Стоило им собраться вместе — и начиналась война без дыма и пороха, с перепалками и скрытыми уколами, что порой было страшнее настоящей битвы.

Но ещё страшнее оказался внезапно возникший перед ним маленький сорванец, происхождение которого было неизвестно.

Вся кошачья сущность Пэй Мяо пребывала в полном недоумении. Он уставился на мальчика своими круглыми кошачьими глазами.

Тому на вид было лет четыре-пять. На нём были одежды принца, мягкие чёрные волосы собраны в пучок на макушке и закреплены маленькой пурпурно-золотой короной.

На пухлом круглом личике сияли большие, тёмные, как спелый виноград, глаза, которые бегали туда-сюда, полные живости. Когда он улыбался, на щеках проступали ямочки, что

делало его невероятно смышлённым и милым.

Ванцай приблизился к Пэй Мяо и шепнул ему на ухо:

— Господин, это Четвертый принц, сын Наложницы Чжэнь. В нынешнем году ему как раз исполнилось пять лет.

Пять лет? Как раз тот самый возраст, когда ребёнок везде суёт свой нос и всем мешает. Пэй Мяо шевельнул ушами и увидел, как присевший перед ним на корточки Четвертый принц протянул пухлый короткий пальчик, ткнул его в ухо и спросил детским, молочным голоском:

— Ты и есть Господин Наставник? Чжэнь очень тебя любит. Станешь моей женой?

...

Тишина. Мёртвая тишина.

Наложница Ли бросила взгляд на Наложницу Чжэнь, прикрыла рот рукой и рассмеялась:

— Чжэнь и впрямь молодец! В таком юном возрасте уже задумал взять в жёны Господина Наставника. Сестра Чжэнь, вы и вправду воспитали сына образцово.

Лицо Наложницы Чжэнь потемнело. Платок в её руках был уже почти разорван в клочья. Ей нестерпимо хотелось схватить своего отпрыска и отлупить, чтобы неповадно было. Она всего лишь однажды, когда тот баловался, в сердцах сказала, чтобы он вёл себя прилично и побольше учился, дабы в будущем иметь возможность взять в жёны Господина Наставника. И кто бы мог подумать, что мальчишка воспримет это буквально и, при всём честном народе, подбежит к самому Господину Наставнику с признанием? Неужели он и вправду жаждет смерти?

Его методы «заигрывания» с котом были настолько примитивны, что не только провалились, но и выдали все его тайные помыслы, привлекая к себе внимание. Теперь шансы заполучить Господина Наставника в мужья стали и вовсе призрачными.

Наложнице Чжэнь хотелось разрыдаться. Ей страстно желалось запихнуть сына обратно в утробу и начать всё сначала. За что ей такое наказание — родить такого бестолкового ребёнка, который ни капли не перенял её искусства обольщения? Мечта стать тётцей Господина Наставника, похоже, рухнула в прах.

Так и хотелось разрыдаться в голос.

Однако погубивший свою мать Четвертый принц совершенно не ощущал её нынешнего убийственного настроения. Он по-прежнему упрямо пытался очаровать Пэй Мяо, мигая своими большими, влажными глазами и нежно спрашивая:

— Господин Наставник, можно я потрогаю твою лапку? Совсем чуть-чуть, только один раз.

— ... — Чёрт возьми! Мал ещё, а уже пытаешься приставать к Господину Наставнику! Не боишься, что я раскрашу твою мордашку узорами своими кошачьими лапами?

Пэй Мяо поджал губы, поднял одну лапку и сделал в воздухе несколько угрожающих взмахов. Однако Четвертый принц истолковал этот жест превратно, решив, что Господин Наставник даёт своё согласие. Мальчик тут же радостно расплылся в улыбке и протянул свою пухлую

ручонку, чтобы наконец схватить вожаденную пушистую лапку. Но прежде чем он успел это сделать, из-за двери донёлся холодный, чистый голос:

— Не смей.

Этот голос Пэй Мяо знал слишком хорошо. Даже не оборачиваясь, он понимал, кто это. Внутренне он ликовал: вот это надёжная опора, всегда появляется в самый нужный момент.

Все присутствующие в зале вновь застыли, будто их заморозили. Четвертый принц вжал голову в плечи, с обидой и робостью глядя на вошедшего, и жалобно произнёс:

— Второй брат. На его личике ещё читалась досада от того, что ему не дали потрогать кошачью лапку, а глазки так и норовили свернуть в сторону котёнка.

Гу Циянь холодно кивнул, поднял Пэй Мяо сзади и, незаметно прикрыв его рукавом от взглядов Четвертого принца, с совершенно бесстрастным лицом направился к своему месту. Хотя внешне он не выражал никаких эмоций, Сяо Доуцзы, ставший свидетелем всей сцены, прекрасно знал, что его господин уже кипит от ярости.

Он с сочувствием взглянул на всё ещё сидящего на полу Четвертого принца и мысленно зажёл для него поминальную свечу: «Бедный Четвертый принц, чего это тебе вздумалось посягать на то, что принадлежит Второму принцу? Не иначе как смерти захотел!»

В зале царилась гробовая тишина. В конце концов, Гу Циянь был законным сыном императрицы, и даже если он вёл себя несколько своевольно, никто из придворных дам не смел его одёрнуть. Лучше было закрыть на это глаза и сделать вид, будто ничего не произошло.

Лишь Четвертый принц, сидя на полу, всхлипывал и утирал слёзы. Но, видя, что никто не обращает на него внимания, он вытер глаза и самостоятельно поднялся.

Он чувствовал себя несправедливо обиженным.

Не говоря ни слова, Гу Циянь с Господином Наставником на руках проследовал к своему месту и уселся. Всё это время его лицо сохраняло холодное, высокомерное выражение, словно весь мир был ему должен сотню кошек.

<http://bllate.org/book/16288/1467816>